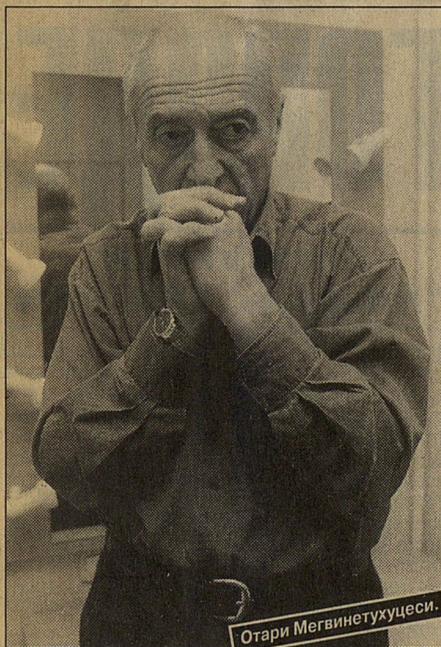

ПОТОМОК ВИНОДЕЛОВ РЕАБИЛИТИРУЕТ ТИРАНОВ

Сталин на сцене МХАТа

Незабиси
мая газ.
2001. - 2011.
с. 3.

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

Отари Мегвинетухуцеси.

Все спотыкаются о его фамилию. Все знают, что Мегвинетухуцеси — великий грузинский актер, что сейчас он возглавляет театр имени Марджанишвили, что он переиграл множество киноролей и просто приличный человек. Но фамилия... Три дня надо учить. Теперь этот знаменитый артист будет приезжать в Москву из Тбилиси на несколько дней, чтобы на мхатовской сцене играть Креона в пьесе Жана Ануя "Антигона".

— Отари, как переводится с грузинского ваша трудная фамилия?

— Она означает должность при царе. Человек, который занимался виноделием, — а в Грузии это главная культура. По должности, в общем, министр виноделия. Вот, допустим, Сахтохуцеси — это старейший и старший. Первый министр, короче.

— Согласно своей фамилии, вы понимаете толк в вине?

— Я понимаю. Я не очень злоупотребляю, но понимаю. Я вот, знаете, иногда уставший прихожу — допустим, играл большую роль, такую, как короля Лира, — обязательно пропущаю стаканчик красного вина. Перед сном это хорошо. А сейчас я этого себе не позволяю. Дома расслабиться можно, здесь — нет.

— В вашем послужном театральном списке — роли одних королей. И Креон в "Антиго-

не" — не исключение. Я думаю, что человек, который переиграл столько властителей, имеет свое, особое представление о сильных мира сего.

— Они же разные. Вот у нас был царь Деметре Второй. Любил женщин, выпить любил — в общем, жизнь обожал. Но к концу жизни от него потребовалась огромная жертва. Ему сказали: "Если не пойдешь на плаху, погубишь страну". И он пошел на старости лет. А есть и другие — попроще. Есть такие, которые не могут насытиться властью. Так что одной меркой мерить всех не получается.

— Но ваш Креон вызывает необыкновенные симпатии.

— Именно этого и хотели. Антигона — идеалка, другой жизни она не приемлет, не хочет. В спектакле сталкивается мудрая реальность и оголтелый идеализм.

— Но только при мудрости не слишком ли много трупов?

— Вот Креон сам говорит: надо быть беспощадным для дела. Он верен государству, и дело государства для него важнее всего. Мы все хотели показать, что он необыкновенно любит Антигону как дочь свою и тем не менее жертвует ею. Потому что правда: не будет порядка в стране, если простит. Могущественный человек, но лес рубящий — щепки летят. Он ради державы сыном пожертвовал. Здесь ассоциация со Сталиным возникает.

— А вы к Сталину испытываете симпатии?

— Я помню, когда он умер, я со своим товарищем ехал в трамвае, и мы начали рыдать. Кажется, в 56-м году в Тбилиси хотели сбросить его памятник, весь народ вышел спасать. И Хрущев приказал во что бы то ни стало людей разогнать. Многих поубивали уже тогда, в Тбилиси. То, что он грузин, для нас это все-таки что-то значит. Мы гордились им, но потом много узнали в прессе о тех, чьих отцов и родственников расстреляли.

— А вашу семью миновала сия чаша?

— Да. Гласность, конечно, на грузинское действовала, и сейчас нет такого восторга. Есть какая-то маленькая кучка, которая называет себя сталинцами, они часто выступают, но люди над ними смеются. Утекли те времена.

— А о Шеварднадзе вы не думаете?

— Так как в пьесе речь идет о том, что в государстве не все в порядке, конечно, ассоциации есть. Поэтому в Грузии пьеса зазвучала очень сильно, как будто на сегодняшний день.

— Вы играете в тбилиском театре Марджанишвили и руководите им. Сколько спектаклей в вашем репертуаре?

— Четыре роли. В "Провинциальной исто-

рии" и в "Антигоне" — на грузинском языке, естественно. Еще французская комедия, очень хорошая. Но больше года не играю Лира и очень сожалею: со здоровьем у меня было не совсем... А в "Лире" у меня нагрузки в три раза больше, чем в "Антигоне", и врачи сказали: "Нужно подождать".

— Все говорят о тяжелом положении актеров в грузинском театре. Называются какие-то мизерные зарплаты...

— Это я могу вам точно сказать. В нашем театре артист получает 140 лари — 70 долларов. Это высшая ставка актера, а низшая — 50 лари — значит, 25 долларов. Ну как можно прожить на это? Последний год особенно тяжело стало: государство дает только зарплату. Но и она запаздывает, вот мы последний раз три месяца не получали. Коммунальные услуги, постановочные — этого давно нет. Я все время думаю: как сделать, чтобы эти люди не разбежались? Но в других профессиях, знаете, еще хуже. А моя зарплата худрука — около 100 долларов, как актер получаю 70, итого — 170. Моя жена, она актриса, тоже получает 70. Так и живем. Зато дочь — ей 29 — получает гораздо больше, потому что работает в банке.

— Она была актрисой?

— Я не хотел, чтобы она стала актрисой. Ростом в меня пошла — высокая, и я ей сказал: "Таких партнеров для тебя мало". Хотя в детстве она снялась в одной картине и была очень хороша. Один раз всего сказал, и она послушалась меня. Сначала окончила институт иностранных языков, а потом еще получила экономическое образование. Сейчас работает представителем английского банка в Грузии. Так что получает неплохо и иногда матери дает. Мне стесняется: совместно давать мужчине.

Знаете, у меня ведь небольшие запросы, мало денег меня не очень мучает. Меня больше мучает то, что денег в театре мало. Приходится просить, а я это дело не люблю, потому что многие не дают, и чувствуешь себя очень оскорбленным. В прошлом сезоне мы все-таки выпустили два спектакля.

— В кино сейчас снимаетесь?

— Я снимаюсь, можно так сказать. Четыре года назад начали, но из-за денег не закончили. Я играю режиссера, который попал в эту же самую ситуацию. Хорошая комедия.

— В одной сцене в "Антигоне" вы плачете. Хочу спросить: натуральными слезами или просто имитируете?

— Когда этого не случается, я ухожу домой несчастный. На технике можно все изобразить, но я этого не люблю, и не люблю, когда другие это делают.

Марина РАЙКИНА.